

Ирма Муллонен (Петрозаводск, Россия)

Контакты в топонимии Свири

Река Свирь соединяет два крупнейших европейских озера — Онежское и Ладожское. На протяжении тысячелетий она играла важную роль в освоении восточно-европейского севера.

Территория по Свири и ее притокам является разноязычной. Вдоль самой Свири, а также на всей территории юго-западного Присвирья проживает русское население, на северных притоках реки расположены карельские поселения, а южная часть ареала населена вепсами. Понятно, что современная этническая ситуация — это результат длительного исторического развития, сопровождавшегося активным контактированием. Из этнических групп этой территории карелы-людики являются наиболее поздним образованием, сформировавшимся в результате карело-вепского взаимодействия к XVI–XVII векам. Русские, являющиеся сейчас наиболее многочисленным населением на Свири, в языковом отношении делятся на два диалектных подразделения. За диалектным членением стоит не только разное время, но и разный характер русского освоения, в котором по мере продвижения с запада на восток заметно слабеет собственно русский элемент и растет доля сменившего этноязыкового сознания исходного прибалтийско-финского элемента. Русское проникновение в Присвирье началось еще в первые века второго тысячелетия, однако долгое время оно касалось прежде всего западной части ареала, а также древних административных центров. Наконец, вепсы, составлявшие в прошлом основное население Присвирья, проникли на Свирь на рубеже I и II тысячелетий и постепенно поглотили местное население прасаамского типа. Поэтапное освоение отражено в многослойности топонимии. При этом характер контактных отношений выявляется не столько через наличие разновременных и соответственно разноязычных пластов, сколько через анализ механизмов адаптации иноязычной топонимии.

Все многообразие контактных отношений может быть сведено к трем универсальным способам интеграции: прямая адаптация с необходимой фонетической переработкой, морфологическое и семантическое освоение. Однако конкретная реализация зависит от целого ряда условий, среди которых особенно важны типологическая характеристика контактирующих языков, отношения языкового родства, активность

контактов и наличие билингвизма, статус (официальный и неофициальный) контактирующих языков и в целом социально-исторический и этнокультурный фон контактных отношений.

1. Вепско-карельское контактирование

Контактирование вепсской и карельской-людиковской топонимии — это взаимодействие близкородственных в языковом отношении топонимных систем. При этом вепсский язык принял непосредственное участие в формировании людиковского наречия карельского языка. В таких условиях вепсская топонимия практически полностью интегрировалась в карельскую. Объективными предпосылками являются общая топонимная лексика, единые принципы топонимного словообразования, в том числе и общий набор суффиксов. Фонетические критерии тем более малопоказательны: топонимы, воспринятые пришлыми карелами у вепсов, легко подстраивались под фонетическую систему местных карельских говоров: вепс. *Matkoja* > людик. *Matkoja*, вепс. *Saroja* > людик. *Suaroja*, вепс. *Ledoja* > людик. *Liedoja*. Перечисленные людиковские топонимы могут в принципе быть как результатом прямой адаптации, так и калькирования.

Контактирование близкородственных топонимических систем ставит интересную методическую проблему: выявление специфики, своеобразия каждой из них. Как найти в современной людиковской топонимии те элементы, которые достались в наследство от вепсов? Одна из возможностей — это поиск дифференцирующих топонимных основ, которые восходят к оригинальной вепсской лексике. В силу ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топооснов, а также в связи со значительной идентичностью карельских и вепсской топонимии таких основ немного. Вепсской топонимии южной Свирь хорошо известны названия возвышенных мест *Šuhak*, *Šuhuk*, *Šuhakod*, *Šuhak/mägi*, в которых закрепилось оригинальное вепское слово *šuhak*, *šuhuk* ‘холм, горка’. Оно неизвестно другим прибалтийско-финским языкам, а поэтому его присутствие в топонимии северной людиковской Свирь (горка *Šuhakko/mägi*, мыс *Šuhuk/niemi*) — это очевидный вепсский след. Еще один наглядный пример — вепсский географический термин *kar*, *kara* ‘залив, бухта’, который был усвоен в качестве апеллятива *kuar*, *kuare* в людиковский говор Куујярви. Он активно используется в топонимии северной Свирь, причем не только в Куујярви, но и за его пределами, а также выходит за северную границу Свирь, в бассейн реки Шуя (*Pada/kuar*, *Kuaran/abai*, *Kuar/sel'g*, *Kuare*).

Активность модели в людиковском Присвирье при отсутствии ее на соседней карельской-ливвиковской территории говорит в пользу ее вепсского происхождения.

Другой критерий для распознавания карельских и вепсских элементов — это определенные топонимные типы, которые являются нормой для одной из контактирующих топонимических систем и отсутствуют в другой. Так, гидронимная модель *Pää/järvi* (*pää* ‘голова’, *järvi* ‘озеро’), которая используется для называния водораздельных, т.е. являющихся началом, истоком водной системы озер, является карельской. Она не известна вепсской топонимии, которая в данном случае обходится семантически однородными моделями *Ladv-*, *Matk-*, *Ylä/järv* (известными, кстати, и карельской гидронимии). В этом контексте показательно отсутствие модели *Pää/järvi* на северной Свире. Здесь сохраняется былая вепсская традиция.

Наоборот, гидронимная модель *Pühä/järvi* ‘святое озеро’ на северной Свире должна рассматриваться как вепсское наследие. Она хорошо известна вепсской топонимической системе, в то время как в карельской распространена только в северном Приладожье, т.е. на древней карельской территории. Однако в ходе продвижения карелов на восток, т.е. на Олонецкий перешеек, а также на территорию центральной и северной Карелии модель не получила распространения. Причины исчезновения модели из карельской топонимии в период восточной экспансии связаны с семантическим сдвигом в значении лексемы *pühä*. Примарное значение ‘ограда, граница’, которое было актуальным для гидронимии (основа использовалась для называния верхних, водораздельных, т.е. “пограничных” озер), сменилось неактуальным ‘святой’, в связи с чем основа *pühä-* утратила продуктивность. Анализ показывает, что модель *Pühä/järvi* на территории Карелии, в том числе и на северной Свире, является вепсской. Ее ареал здесь сформировался в ходе вепсского освоения, предшествовавшего карельскому, в то время, когда у слова *pühä* еще сохранялась первоначальная семантика.

К типовым моделям примыкают метафорические топонимы, в которых отражены дифференцирующие, свойственные лишь определенной топонимической системе метафоры. В качестве примера вепсского образного топонима можно отметить *Kukoi(n)harj*, *Kukiharj* (буквально ‘петушиный гребень’) — наименование возвышенных мест, горок, холмов. Эта образная модель активно используется на южной вепсской Свире, но несколько названий (горки *Kukuoinhard*, *Kukuohard'un/selge*, *Kukoiharja*) известны и на людиковской северной Свире и за северной

границей Свирь, в бассейне реки Шуя. Если принять во внимание, что модель отсутствует в карельской топонимии на смежной с Присвирьем территории, приходится признать ее вепские истоки.

В географической привязке отмеченных вепских дифференцирующих моделей есть одна примечательная особенность. Они все привязаны к водному пути, который вел со Свирь на север, при этом именно по этой линии проходит языковая и этническая граница, разделяющая карелов-ливвиков и карелов-людиков. Надо полагать, что именно вепское воздействие со Свирь на север, отразившееся в топонимах, и сформировало эту границу. Хотя вепская основа присутствует в обоих диалектах южной Карелии — ливвиковском и людиковском, все же в людиковском она более значительна. Исходя из того, что вепские дифференцирующие модели свойственны микропонимам, надо предполагать, что вепское воздействие распространялось со Свирь на север вплоть до последних веков.

2. Усвоение прибалтийско-финской топонимии в русскую систему географических названий

2.1. Прямая адаптация

Среди способов интеграции прибалтийско-финской топонимии Свирь в русскую топонимию первенство принадлежит т.н. прямой адаптации, в ходе которой усваивается звучание названия. Около 70% всех адаптированных топонимов русского Присвирья возникло в результате прямого усвоения.

Усвоенные путем прямой адаптации прибалтийско-финские названия с разной структурой морфологически подстраиваются под тип простых неразложимых имен и оформляются в ряде случаев родовым показателем: *Габнема* < **Hab/nem* (сложный топоним), *Ихала* < **Ihal* (простой суффиксальный), *Кайбое* < **Kaiv/oja* (сложный), *Пепа* < **Perä* (простой неразложимый), *Немель* < **Nemel'* (букв. 'на мысу', т.е. микропоним в форме внешнеместного падежа).

Наличие или отсутствие данной адаптационной модели и в особенности ее продуктивность в микропонимном континууме локальной территории может служить своего рода критерием хронологии контактов и обрусения местного прибалтийско-финского населения. Микропонимия в силу ее нестабильности относительно быстро меняется. Старые названия, заменяясь новыми, выходят из употребления. Поэтому сохранение, особенно в системе, прибалтийско-финских топонимов

указывает на “свежесть” контактов. В Присвирье количество интегрированных способом прямого усвоения прибалтийско-финских топонимов ощутимо увеличивается по мере продвижения с запада на восток, в соответствии с основным направлением и хронологией русского освоения региона. При этом в западном русском Присвирье выявляются центры как с минимальными следами прибалтийско-финских рудиментов, так и относительно насыщенные ими, свидетельствуя об очаговом характере русского освоения территории, начинавшемся, как правило, с центров средневековых погостов. Именно в них количество субстратных прибалтийско-финских топонимов минимально.

Прямая адаптация сопровождается определенной трансформацией звукового облика топонима, вызванной возможностями фонетических систем контактирующих языков. Звуки, не имевшие адекватного соответствия в русском языке, замещались звуками, наиболее близкими по качеству к оригинальным. Прибалтийско-финский *h* в позиции перед гласной и звонкой согласной передается через *г*: *Гавд/озеро* < **Haud/järv* (*haud* ‘яма’), *Пога* < **Pohj* (*pohj* ‘конец залива’), *Литега* < **Leteh* (*leteh* ‘песок’). Нередки случаи полного исчезновения звука *h*: покос *Ирбоюшка*, река *Ирвинка* и озеро *Иргозеро* содержат в основе прибалтийско-финское *higrvi* ‘лось’. Если *h* исчезает перед гласным переднего ряда *e, ä, i, ö*, то происходит естественное для русской фонетики наращение *j*: *Ебо/конда* < **Hebokond* (*hebo* ‘лошадь’), *Юбеничи* < **Hübjoil* (*hüb* ‘сова, филин’).

Отсутствующий в исконно русских словах начальный вепский *e* при усвоении вепских топонимов в русский язык менял свое качество, или переходя в огубленный *o* с возможным наращением протетического *в*, или сужаясь до русского *e* [*je*] с последующим преобразованием *j* в *г*’, характерным для русских говоров Свири. В результате вепское озерное название *Enarv* (вепс. *enä* ‘большой’) превратилось в русское *Вонозеро* (письменных документах XVI в. *Онозеро*). А вепское речное наименование *Epoja* с той же основой стало русским *Геноя* или *Генуя*. Есть основания полагать, что варианты с начальным *o* являются хронологически более ранними, чем йотированные. Они используются на территории более раннего обрусения, привязаны к наиболее крупным и заметным, а значит раньше получившим русское название, рекам и озерам.

Разное усвоение определенных прибалтийско-финских фонем и их сочетаний связано не только с изменениями, происходившими на протяжении столетий в русской фонетике, но и с развитием прибалтийско-

финской, в частности, вепсской фонетики. Топонимия Присвирья отражает, например, разные этапы свойственной всем вепским говорам лабиализации *l* с последующей чередой изменений образовавшегося дифтонга. Гидронимы *Тальгинский* ручей и река *Тойба* восходят оба к *talv* ‘зима’, но в первом названии слово отразилось в раннем фонетическом облике, уже исчезнувшем из современного языка, а во втором — в современном (*talv* > *tauv* > *touv*). Упрощение прибалтийско-финской основы *-kse-* в вепском до *-se-* — еще один процесс, разные этапы которого зафиксировались в интегрированной в русскую топонимическую систему Присвирья вепсской топонимии (ср. в западном Присвирье *Мелукса*, *Сермакса*, в восточном, смежном с ареалом современного вепского расселения *Вадруса*, *Витмуса*).

2.2. Суффиксация

Среди способов морфологической адаптации прибалтийско-финских топонимов Свирь наибольшее значение имеет суффиксация. Это связано с продуктивностью суффиксального способа образования топонимов в русском языке. Принципиально важным является также то, что для суффиксов, используемых в топонимии, первоначальное их значение чаще всего неактуально. Они выступают в качестве формального элемента, отличающего имя от апеллятива. Это обстоятельство делает возможным их функционирование в сочетании с иноязычными основами, где суффикс применяется как некий адаптор, вводящий топоним в ряд других однотипных названий.

Сопоставляя активность использования суффиксальных моделей для интеграции прибалтийско-финских названий с тем, насколько они в целом продуктивны в русской топонимии Присвирья, можно констатировать, что, как правило, здесь есть прямая связь: популярность форманта в русской топонимии приводит к распространению данной модели на иноязычные топонимы. Это подтверждается на примере использования в названиях рек бассейна Свирь суффикса *-ка* (рр. *Сарка*, *Корбойка*, *Ягремка*, *Каномка*, *Вадожка*, *Паешка*, *Муромка* и др.), в ойконимах посесивных суффиксов *-ево/-ово* (дд. *Куково*, *Лембово*, *Кокоево*, *Кургово*, *Игово*, *Гайгово*) и *-ино* (дд. *Тойвино*, *Кургино*, *Куйвино*, *Кяргино*), в названиях земельных угодий суффикса *-ица/-ец* (*Розменица*, *Мегрица*, *Мегреница*). Названные суффиксы активно используются в образовании русских топонимов соответствующих разрядов.

В ряде случаев эта связь носит исторический характер: в роли адапторов используются суффиксы, бывшие продуктивными на той истори-

ческой территории, откуда продвинулись в вепское Присвирье носители русской топонимической системы, и в тот исторический момент, когда это продвижение произошло. Известные восточнославянские «речные» суффиксы *-ица* (*Ейница, Пялица, Сарица, Пагодрица, Урьица*) и *-ина* (*Важина, Ирвина, Савина, Аштина*) используются в Присвирье практически исключительно в сочетании с иноязычными основами: ко времени русского освоения реки средней величины (именно к ним привязаны в Присвирье модели на *-ина* и *-ица*) имели уже свои устоявшиеся наименования, которые адаптировались с помощью привычных русских суффиксов. С позиций устойчивости топонимов подобная реконструкция является вполне естественной. Точно так же ойконимный формант *-ичи/-ицы*, имеющий праславянские истоки и продвинувшийся на северо-восток с восточнославянским освоением, не закрепился в Присвирье в сочетании с русскими основами. Однако он активно участвовал в оформлении ойконимов с дорусскими истоками (*Винницы, Вачукиницы, Рекиничи, Уштовичи, Коковичи, Мустиничи, Тервиничи, Имоченицы, Валданицы*). Это произошло неслучайно.

Древнерусская ойконимная модель с конечным *-ичи/-ицы* была использована на Свири для введения в класс русских ойконимов прибалтийско-финских оригинальных наименований поселений, оформленных *-l*-овым формантом. Об этом убедительно свидетельствуют прибалтийско-финские и русские варианты названий: вепское село *Karhil* по-русски называется *Каргиничи, Vingl ~ Винницы, Sagil ~ Согиничи, Šond'al ~ Шондовичи* и т.д. Исходя из этого, можно предполагать, что многочисленные ойконимы этого типа на современной русской Свири возникли по этой же схеме: в них русский суффикс *-ичи/-ицы* заместил вепский суффикс *-l*. Это предположение подтверждается одним замечательным примером из самого древнего письменного источника по территории Свири — т.н. Устава Святослава XIII века. В нем современное село *Юксовичи* (с суффиксом *-ичи*) на русской Свири называется *Юксола* (с суффиксом *-l[a]*).

Почему для замещения вепской ойконимии на *-l* была использована именно древнерусская модель *-ичи/-ицы*? Возможно, сказалось семантическое родство основ. Русские топонимы на *-ичи* на территории к западу от Свири произошли от антропонимических основ. Антропонимические истоки присущи и прибалтийско-финской (в том числе вепской *-l*-овой ойконимии: ср. *Rahkoil* от древнего прибалтийско-финского личного имени *Rahkoi, Reboil* от антропонима *Reboi* и т.д. [МУЛЛОНЕН 1994: 87–97]). Они хорошо просматриваются и в обрусев-

ших названиях на *-ичи/-ицы*: *Валданицы*: ср. древнее личное имя *Valta*, *Valto* (вепс. *Vald*), *Имоченицы*: ср. вепсский антропоним *Himač* (от слова *himač* ‘желанный, долгожданный [ребенок]’), *Курикиничи*: ср. прозвище *Kurik* с семантикой ‘пустая, глупая голова’.

Интересно, что описанная адаптационная модель известна и за северными границами Свирь, у карелов-ливвиков. Однако там русский суффикс *-ичи* или *-ицы* не заменяет карельский, а присоединяется к нему: *Kunil* ~ *Кунилицы*, *Jurgil* ~ *Юргилицы*, *Sudal* ~ *Судалицы* и др. При этом многие оригинальные карельские названия с *-l*-овым суффиксом передаются по-русски не с помощью *-ицы*, а другими суффиксальными моделями: *Terpul* ~ *Теппульская*, *Notal* ~ *Хомовская* (русский суффикс *-ская*), *Tykkyl* ~ *Тюккуево* (русский суффикс *-ево*). Этот разнотип объясняется, видимо, тем, что карельская территория была по сравнению со Свирью окраиной ареала русской модели *-ичи/-ицы*. Поэтому здесь нет последовательности в ее употреблении.

На территории расселения южных вепсов модель на *-ичи/-ицы* не получила распространения. Здесь оригинальная вепсская ойконимия *-l*-ового типа передается на русский язык либо способом прямой адаптации: вепс. *Noidal* ~ рус. *Нойдала*, вепс. *Korvoil'* ~ рус. *Корвала*, либо с применением русского суффикса: вепс. *Kurgoil'* ~ рус. *Курголово*, вепс. *Čaigii* < **Čaigil* ~ рус. *Чайгино* (JOALAI 1999: 231–232).

Судя по ряду косвенных обстоятельств, четкой закономерности и последовательности в том, какая прибалтийско-финская структурная модель стоит за адаптированной суффиксальной, не существует. При интеграции вступает в силу другое важное обстоятельство — вхождение в ряд однотипных (принадлежащих к тому же разряду) русских топонимов. В результате один и тот же прибалтийско-финский тип может быть усвоен разными способами. На этом фоне выделяется последовательное замещение в северном Присвирье вепсской *-l*-овой суффиксальной ойконимной модели русской с суффиксом *-ичи/-ицы* (*Karhil* > *Каргиничи*). Возникновение связки *-ичи/-ицы* – *-l*, когда происходил своего рода “полуперевод” топонима, выразившийся заменой вепсского ойконимного форманта соответствующим русским, было, видимо, спровоцировано ситуацией двуязычия населения. Данное предположение имеет и ареальную поддержку, поскольку территория распространения ойконимов на *-ичи/-ицы* совпадает с ареалом бытования ряда типов топонимных полукалек (см. ниже).

В вепсской топонимии есть один суффикс, заимствованный из русской топонимии. Имеется в виду суффикс *-šin* (рус. *-щина*), активно использующийся в агроонимах, т.е. наименованиях сельскохозяйственных угодий: *Teroušín, Timikoušín, Pehoušín, Ofonoušín, Nazaroušín* и др. Как и в соответствующей русской топонимной модели суффикс присоединяется к антропонимам. На фоне массовой интеграции прибалтийско-финской топонимии в русскую обратный процесс — проникновение русских моделей в вепсское топонимобразование — большая редкость. При этом в случае с суффиксом *-šin* речь идет о собственно топонимическом контактировании. Суффикс не проник в вепсское апеллативное словообразование. Очевидно, заимствование вызвано необычайно большой продуктивностью суффикса *-щина* в русской топонимии Присвирья, а также социальными причинами: использование модели на *-щина* в налоговых документах, т.е. на официальном уровне способствовало закреплению ее и в вепсской топонимии.

2.3. Калькирование

Семантическое освоение прибалтийско-финской топонимии проявляется в ее калькировании. Калькирование (полное или частичное) — один из специфических севернорусских типов усвоения прибалтийско-финской топонимии русским языком. Онимическая калька — это имя, заимствованное путем буквального перевода. Традиционно в ономастике выделяют полные кальки, образованные в результате полного поморфемного перевода иноязычного оригинала (*Pit'k/järv* > *Долг/озеро*, *Долгое озеро*), и полукальки — словосложения из субстратной (непереведенной) основы и русского географического термина, являющегося переводом регулярной, повторяющейся определяемой части сложных прибалтийско-финских оригиналов (*Kaid/järv* > *Кайд/озеро*, *Kiv/oja* > *Кив/ручей*). Полукальки получили большое распространение в топонимии русского севера. Хотя словосложение известно и русской топонимии, там оно находится на периферии спектра способов топонимобразования. То, что на севере оно выдвигается на роль одного из важных структурных типов топонимов, есть результат прибалтийско-финской структурно-морфологической интерференции, перенесения прибалтийско-финских особенностей на русскую систему топонимов. Условием такой интерференции является постепенное — через стадию двуязычия — обрусение местного прибалтийско-финского населения (Гусельникова 1996). Полукальки, таким образом, должны рассматриваться как проявление субстрата (не заимствования).

В Присвирье 19 моделей полукалек, хотя активность их различается. Одни из них представлены многими десятками примеров каждая:

-болото (*Кайд/болото, Ким/болото, Пурн/болото*)

-гора (*Кябель/гора, Кумба/гора, Сай/гора, Чур/гора*)

-наволок (*Кар/наволок, Мадар/наволок, Пель/наволок*)

-озеро (*Канж/озеро, Леп/озеро, Перх/озеро, Чик/озеро*)

-остров (*Из/остров, Колк/остров, Ламб/остров*)

-ручей (*Вех/ручей, Кунд/ручей, Лун/ручей, Пехк/ручей, Ян/ручей*)

Другие имеют ограниченное распространение, причем, причины этого могут быть разными. К примеру, непродуктивность полукалек с детерминантом *-порог* (*Рынь/порог, Кош/порог, Сагар/порог*) связано с редкостью самих реалий, т.е. порогов на верхней Свири. Практически полное отсутствие полукалек на *-река* (*Гим/река, Кяй/река, Пай/река*) объясняется тем, что прибалтийско-финские потамонимы Присвирья чаще всего одночленны, оформление их детерминантом *-jogi* происходит крайне редко. Очень популярные в русской топонимии на Онежском озере полукальки с основным элементом *-губа* 'залив' в соседнем Присвирье почти неизвестны (*Пер/губа*), поскольку сам русский диалектный термин *губа* для обозначения залива в Присвирье практически не используется.

Для этноязыковой интерпретации полукалек существенно то обстоятельство, что они имеют в Присвирье четкую ареальную привязку. Они господствуют в верхнем, северо-восточном Присвирье. За юго-западными границами этого ареала усвоение сложных по структуре прибалтийско-финских оригиналов происходило принципиально иным способом прямой адаптации. Иначе говоря, вепское наименование ручья *Kiv/oja* усваивалось в юго-западном Присвирье как *Кивоя*, а в северо-восточном как *Ки/вручей*, название мыса *Hab/net* соответственно *Габнема* и *Габ/наволок*. При этом проходящая в Присвирье граница двух типов адаптации на самом деле имеет не местный, а глобальный характер, ибо именно Присвирье является западным форпостом обширного ареала полукалек русского Севера, распространенных в ареале бывшего новгородского освоения. Западная граница подавляющего числа присвирских полукалек совпадает с границей, разделяющей Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы севернорусских говоров, формирование которой может быть отнесено к XIII–XIV вв. Если в пределах Ладого-Тихвинской зоны (особенно в ее юго-западной части) древнерусское освоение носило достаточно активный, плотный характер и вело к относительно быстрой ассимиляции местного прибалтий-

ско-финского населения, то Онежская зона складывалась, видимо, преимущественно без коренного изменения этнического состава населения, как следствие постепенного — через этап двуязычия — перехода финского населения на русский язык. Именно такие условия были благоприятны для появления полукалек.

Ареалы полукалек, таким образом, отражают процесс поэтапного обрусения прибалтийско-финского Присвирья с юго-запада на северо-восток. Кроме того, в контексте установленного ареального членения должна происходить и интерпретация наиболее сложной группы полукалек, в которых в качестве основного компонента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника. В русских районах Свиря многочисленны топонимы с детерминантом *-кара* 'залив' из вепсского *kar(a)* 'небольшой залив на реке или озере' (*Габкара, Куккаскара, Ледокара, Ленкара, Умбаркара*), *-орга* 'болотистая низина; глухой еловый лес' из вепсского *org* 'дремучий лес; овраг, низина' (*Габорга, Вехорга, Ленорга, Кайдорга, Редорга, Сивдорга*), *-сельга* 'возвышенное сухое место, поросшее лесом, использовалось для подсечного земледелия' из вепс *sel'g* 'возвышенность, гора' (*Габсельга, Койсельга, Мурдосельга, Палосельга, Савесельга, Вераньсельга, Кортосельга, Курсельга, Нисельга, Педайсельга, Ребосельга*) и некоторые другие. Основной вопрос, встающий в связи с анализом словообразовательной структуры данной группы топонимов, состоит в следующем: являются ли они полукальками (и тогда детерминант их выражен русской диалектной лексемой) или же они возникли как результат прямого усвоения вепсского топонима в русскую систему географических названий? Поскольку территория распространения перечисленных топонимов выходит за западные пределы ареала традиционных полукалек, можно полагать, что по крайней мере часть из них появилась в результате прямой адаптации прибалтийско-финского оригинального топонима: *Габсельга* < **Habsel'g*, *Ленкара* < **Lepkar*, *Кайдорга* < **Kaidorg*. В пользу этого говорят и те фонетические изменения, которым подвергается *-сельга* или *-орга* в составе топонимов, не воспринимающиеся как самостоятельные элементы названия, соответствующие русским диалектным лексемам *сельга* и *орга*: ср. *Ленсельга* < **Lepse'g* < **Lepsel'g* (по закону диссимиляции *l > r*), *Ейнерга* < **Hei'nerg* < **Hei'nerg* (*hei'ñ* 'трава, сено'). Впрочем, наличие топонимов, образованных способом прямой адаптации не исключает того, что часть названий с детерминантами *-сельга*, *-орга*, *-кара* и др., особенно в северо-восточном Присвирье, может быть образована по

типу полукалек, в которых определяемая часть воспринимается как свой, русский географический термин.

Полные кальки, внешне идентичные русским топонимам, выявить значительно сложнее, чем полукальки. Это удастся, если известны синхронные или разновременные варианты топонима, один из которых отражает прибалтийско-финский оригинал, другой — его русский перевод. Ручей *Кондручей* (вепс. *kondi* ‘медведь’) был зафиксирован в письменных источниках XVII века под именем *Медвежий ручей*, в *Гирболото* (*hirvi* ‘лось’) как *Лошей Мох* (русское диалектное *мох* ‘болото’). Писцы использовали не оригинальные русские топонимы, а переводные кальки, которые, однако, не закрепились в устной практике, где возобладали свойственные для верхней Свири полукальки. Примером синхронных вариантов может быть сосуществование двух названий — *Койвуши* (вепс. *koiv* ‘береза’) и *Березняки* — одного болота на нижней Свири.

Аналогичным образом подтверждением перевода могут служить метонимические кальки — использование переводного названия для смежного объекта. Если *Грязный ручей* вытекает из *Редозера* (вепс. *redu* ‘грязь’), то в наименовании ручья мы вправе предполагать перевод оригинального вепсского атрибута. Точно так же сосуществование пары *Елчинручей* (< **Jouſen/oja*, вепс. *jouſen* ‘лебедь’) и *Лебежье озеро*; из которого ручей вытекает, указывает на то, что название озера переведено.

Еще одним критерием полных калек могут быть русские соответствия (переводы) специфических прибалтийско-финских топонимных моделей, к примеру, метафорических, эквиваленты которых не имеют распространения в собственно русской топонимии региона. На вепсской Свири в названиях высоких мест используется метафорическая модель *Kukoinhaſj*, букв. ‘петушиный гребень’. На русской Свири этот вепсский топоним приобретает вид *Петушиный Гребень* или *Петуний Гребень*, т.е. появляется полная калька. На калькированный характер названия указывает то, что эта модель не характерна для собственно русской топонимии смежных русских районов.

Наконец, показательны случаи, когда в массе субстратных топонимов (обычно гидронимов) определенного замкнутого ареала обнаруживаются единичные русские вкрапления, которые к тому же укладываются в описанные ниже условия, благоприятствующие переводу

Полные кальки выявляются не только в русском (правильнее сказать, обрусевшем) Присвирье, но и на двуязычной территории Свири — в современных вепсских и карельских районах, где для некоторых классов топонимов существует как прибалтийско-финский, так и русский вариант названия. Двуязычные варианты свойственны прежде всего для ойконимов и гидронимов, особенно названий относительно крупных озер и рек, которые используются в официальном (= русском) употреблении, попадают на карты, в различные списки и т.д.

Проблема образования полных калек тесно смыкается с проблемой перевода в топонимии. Почему одни из этимологически прозрачных топооснов в процессе адаптации топонима переводятся (*Pit'k/järv*, *pit'k* 'длинный, долгий' преобразуется в *Долгозеро* или *Долгое озеро*), а другие нет (*Kaid/järv*, *kaid* 'узкий' в русском употреблении *Кайдозеро*)? Насколько случаен или, наоборот, закономерен этот процесс?

В ходе работы над "Словарем гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)" [СГБС], включающем названия 6 тысяч водных объектов бассейна Свири, выявились определенные тенденции в переводе гидронимов. Оказалось, что среди всех семантических групп лексики, участвующей в образовании гидронимов, наиболее последовательно переводятся только имеющие качественную семантику, и из них лишь некоторые совершенно определенные основы: *must-* 'черный' (*Must/järv* > *Черное озеро*), *vouged-* 'белый' (*Vouged/järv* > *Белозеро* или *Белое озеро*), *pit'k-* 'длинный, долгий', *vär-* 'кривой', *süvä-* 'глубокий', в гелонимах *laged-* 'открытый, безлесый' (в русских соответствиях 'гладкий'). Среди основ, входящих в другие семантические разряды, наиболее четкую тенденцию к переводу обнаруживают две конкретные топоосновы: *hein* 'сено' (*Hein/oja*, *-so*, *-järv* > *Сенной ручей*, *Сенное болото*, *Сенное озеро* или *Сеннозеро*) и *haug-* 'щука'. Выявленная тенденция имеет историческую перспективу, подтверждающуюся письменными документами XVIII в. Она, кроме того, не ограничивается Присвирьем, а проявляется во всем Обонежье, осваивавшемся русским населением приблизительно в одно время со Свирью

Очевидно, одно из важных условий переводимости прибалтийско-финских атрибутивных топооснов заключается в наличии эквивалентной модели в воспринимающей русской топосистеме данной или смежной территории. Если таковая имеется, усваиваемый топоним подстраивается под нее, занимая место в готовой ячейке. Если же та-

кой модели наготове не оказывается, то, несмотря на прозрачную семантику, возможности перевода ограничены.

При этом должны учитываться временные рамки бытования продуктивных топонимных моделей. В ранний период вепско-русского контактирования в Присвирье вепская продуктивная гидрооснова *ahven*- ‘окунь’ переводилась русским диалектным эквивалентом *отреца-/остреч-* ‘окунь’ (*Ahnuž/d’ogi* > р. *Остречина*). Однако с утратой диалектной лексемы из русских говоров Присвирья исчезает и продуктивная русская гидронимная топооснова. Отсутствие традиции в употреблении топонимной основы *окунь-* ведет к тому, что в ареале позднего обрусения, а также на двуязычной территории Присвирья вепская основа *ahven-* практически остается без перевода: *Ahvenjärvi, Ahnjärv* > *Агвеньозеро, Агнозеро*. Проблема перевода, таким образом, тесно связана с хронологическими рамками существования определенных топонимных моделей и в силу этого важна для решения проблем истории языка и этнической истории определенных территорий.

Выявленная тенденция перевода вепских гидронимов не носит закономерного, обязательного характера (ср. отмеченные выше переводы специфических вепских метафорических топонимов), однако может рассматриваться в качестве одного из существенных критериев для перевода.

В отличие от полукалек полные кальки не образуют каких-либо четко очерченных ареалов (или их не удастся выявить в силу внешнего сходства с русскими топонимами).

Анализ присвирского материала свидетельствует о том, что прибалтийско-финское наследие в русской топонимии Свирь носит преимущественно субстратный, т.е. не заимствованный, характер и сформировалось главным образом в ходе постепенного обрусения местного прибалтийско-финского населения. На этом фоне следы суперстрата, иначе говоря, влияния русской системы наименований на прибалтийско-финскую, минимальны. При этом, видимо, точнее говорить об адстратных взаимоотношениях, не сопровождавшихся растворением пришлого русского населения в местном, а вызванных сосуществованием их в рамках единой территории. Наиболее яркий пример русского влияния на вепскую и карельскую топонимию Свирь — это упоминавшееся уже усвоение русской суффиксальной модели *-щина* в виде *-šin*. В других случаях взаимодействие ограничивается восприятием в вепскую и карельскую топонимию русских вариантов прибалтийско-

финских топонимов. Речь, как правило, идет о наименованиях рек и населенных мест, получивших широкое распространение в русской языковой среде по причине официального бытования. Они усваиваются двуязычным прибалтийско-финским населением Свирь: вепское название реки *Sara* интегрировалось в русскую топонимию Свирь как р. *Сарка* (с характерным для русских потамонимов суффиксом *-ка*), в свою очередь, этот русский вариант попадает обратно в вепскую двуязычную среду в виде *Sark*. Аналогичным образом вепский ойконим *Norj* преобразовался в русское дер. *Норгино* (с русским possessивным суффиксом *-ино*), которое затем получает распространение и среди вепсов как *Norgin*.

Познание закономерностей топонимного контактирования способствует пониманию происходивших в прошлом этнических процессов. Первый принципиальный вывод, вытекающий из анализа прибалтийско-финско-русского топонимного контактирования на Свирь заключается в том, что прибалтийско-финское наследие должно обязательно учитываться при анализе русских говоров. По характеру адаптации прибалтийско-финских топонимов в русском Присвирье можно выделить три микрозоны: юго-западную, центральную и северо-восточную. При этом границы, устанавливаемые по топонимическим свидетельствам, совпадают с диалектными, одна из которых отделяет Ладого-Тихвинскую диалектную зону от Онежской, а другая разделяет ладоготихвинские диалекты на две группы, западную и восточную. Анализ механизма усвоения топонимных моделей позволяет говорить о разном характере прибалтийско-финско-русского контактирования в выделенных диалектных ареалах. На юго-западе Присвирья (бассейн Паши) русское освоение носило, очевидно, более массовый и стремительный характер и растворило в себе прибалто-финнов таким образом, что язык последних отразился в западных говорах Ладого-Тихвинской зоны лишь в качестве единичных вкраплений. Наоборот, северо-восточная окраина Присвирья (Онежские говоры) — это преимущественно перешедшее на русский язык прибалтийско-финское население. Появление полукалек сопряжено с ситуацией двуязычия. Между двумя полюсами расположена буферная зона (восточные говоры Ладого-Тихвинской диалектной зоны), некоторые адаптационные модели в топонимии которой (например, ойконимы на *-ичи/-ицы*) спровоцированы билингвизмом.

Второй не менее важный вывод этноисторического содержания заключается в выявлении разной хронологии русского освоения отдельных

участков Присвирья. Исключительно хорошая сохранность прибалтийско-финской микротопонимии в восточном Присвирье связана в значительной степени с поздним по времени обрусением этой территории. При этом переход на русский язык не был одномоментным актом. В Присвирье выявляются некие очаги, центры, где при общей слабой сохранности прибалтийско-финского пласта еще и адаптация прибалтийско-финских топонимов протекала иначе, с применением иных адаптационных моделей, чем в окружающем регионе. Как правило, эти очаги совпадают с древними административными центрами.

Еще один существенный этноисторический вывод, вытекающий из использования разных адаптационных моделей с одной стороны, на южной границе Присвирья, с другой — в более северном ареале, заключается в том, что подобная дистрибуция может быть результатом несколько разных потоков древнерусского освоения Присвирья. Один из коридоров древнерусского проникновения в Присвирье располагался, видимо, там, где река Паша делает крутой поворот на восток и где русло реки ближе всего подходит к реке Тихвинка. В этом юго-западном углу Присвирья практически полностью отсутствует прибалтийско-финская микротопонимия и, наоборот, представлено разнообразие русских микротопонимных типов с широким набором суффиксов и с префиксальным оформлением. В здешней микротопонимии закрепились архаическая, давно вышедшая из активного употребления новгородская лексика. Кроме этого юго-западного входа в Присвирье существовал, видимо, и другой — собственно свирский, маркируемый, в частности, оформленными древним славянским суффиксом *-гост/-гоць* гидронимами *Милогость*, *Рудогоць*, *Вяргость*, *Онегость* в низовьях Ояти и Паши. Этот формант прослеживается на собственно новгородской территории, однако западное Присвирье — это крайняя восточная граница его распространения в Онежско-Ладожском регионе.

3. Доприбалтийско-финское наследие в вепсской топонимии Свири

Топонимия Свири сохранила убедительные довепские следы, особенно наглядные в гидронимии — названиях рек и озер. Однако выявление способов интеграции древней топонимии в вепскую систему названий сопряжено с большими сложностями, вызванными прежде всего тем, неизвестно, на каком языке говорили ее создатели, находился ли этот язык в родственных отношениях с прибалтийско-финскими

языками, был ли он один или их было больше. Проведенный анализ древней топонимии Свири с привлечением данных смежных наук позволяет полагать, что она может быть по ряду параметров охарактеризована как прасаамская. В ней, например, довольно последовательно отражается прасаамский вокализм первого слога. Праприбалтийско-финско-саамский (финское *varhaiskantasuomi*) **a* представлен на Свири в двух прасаамских вариантах: **o* (*Sondal* < **sõnte*- ‘разрезать’) и **a* (*Палгозеро* < **pālk-* ‘(оленья) тропа’), соответственно древний **ä* расширился до прасаамского **a* (*Ваблок* < **vāvlē* ‘фарватер’). Древний **e* в широких основах расширился до прасаамского **ε*, который на Свири передается как **ä* (*Päll’ärv* < **peljē* ‘ухо’). В свою очередь праприбалтийско-финско-саамские узкие гласные **i* и **i̯* слились в прасаамском **i* < **ε* (*Илекса* **elē*- ‘верхний’).¹

Анализ материала позволяет сделать некоторые выводы о специфике языковых контактов. Основная масса древних присвирских топооснов не является раритетами, но образует определенные ареалы, в большинстве своем выходящие за пределы Присвирья и охватывающие территорию Карелии, смежных районов Финляндии, распространяющиеся на юг в верхнее Поволжье и на восток на реку Северную Двину. Такая ареальная характеристика достаточно надежно свидетельствует о субстратном характере взаимоотношений, т.е. эта топонимия стала частью вепсской системы географических названий в результате языковой ассимиляции, постепенной “вепсизации” носителей древней топонимии. С этим же обстоятельством связан и последовательный, системный характер фонетической интеграции древней топонимии.

Выявленное в Присвирье доприбалтийско-финское топонимное наследие в силу объективных причин не дает достаточно четкого представления о механизмах интеграции древней топонимии в вепсскую топонимическую систему Присвирья. Не удастся установить четких закономерностей фонетической адаптации: есть основания предполагать, что родство двух фонетических систем — заимствованной и заимствующей не дает ярких проявлений фонетических закономерностей усвоения.

По этой же причине языкового родства недостаточно выразительно проявляется структурная адаптация. Анализ структуры свидетельствует об отсутствии в Обонежье специфических субстратных детерминантов по типу прибалтийско-финских в русской топонимии (ср. остров

¹ Подробнее о фонетических особенностях древней довепсской топонимии Свири см. (Муллеронен 2002).

Маяксарь: вепс. *sař* ‘остров’ руч. *Кивоя*: вепс. *oja* ‘ручей’, оз. *Чикарь*: вепс. *-ař* < *-järv* ‘озеро’). Это обстоятельство существенно для понимания механизма адаптации древней топонимии. Результаты исследования прибалтийско-финско-русского контактирования говорят о том, что прямое усвоение с сохранением облика детерминанта в неизменном виде происходит в случае а) невозможности его адекватного перевода, б) отсутствия соответствующей структурной модели в воспринимаемой системе, в) раритетности модели. Очевидно, отсутствие надежных следов субстратных гидроформантов в нашем случае обусловлено их последовательным переводом или, точнее, приспособлением основных элементов двусложных субстратных гидронимов - в силу родства воспринимаемой и оригинальной топонимии — к вепсской системе названий (ср. подобный процесс в ходе вепско-карельского контактирования). Результатом являются полукальки, в которых при довепском атрибуте присутствует вепсский детерминант.

Структурная адаптация проявляется нагляднее через суффиксальные модели, в частности, оформление иноязычной основы вепским деминутивным суффиксом *-ine* (оз. *Änine*) или выражающим подобие названному производящей основой суффиксом *-nd* ~ *-nž* (р. *Суланда*, р. *Ухтинжа*).

Есть основание полагать, что языковое родство, имевшее следствием близость в материальном облике “своей” и “чужой”, т.е. усвоенной из предшествующей топонимии, топооснов могло в ряде случаев привести к полному вливанию доприбалтийско-финского топонима в ряд прибалтийско-финских. На самом деле, за вепскими или карельскими названиями мест, особенно относящимися к разряду гидронимов, могут стоять более ранние (условно «прасаамские») оригиналы, полностью адаптировавшиеся к прибалтийско-финской системе имен. Процесс “прямого” усвоения сопровождался, судя по свидетельствам обонежской топонимии, собственно переводом атрибутивного элемента названия. Пример такого калькирования являют названия двух соседних порогов *Рынь/порог* и *Лись/порог* (или *Лисий порог*). Такая связка позволяет предполагать, во-первых, в *Рыньпорог* саамские истоки, ср. саам. *rĩttĩ^e* ‘лиса’, во-вторых, в *Лисьпорог* русскую кальку вепского **Reboi/kosk* (*reboi* ‘лиса’). Вепсский топоним мог быть спровоцирован названием соседнего Рыньпорога. Подобным образом в основе современных русских гидронимов *Вонозеро* и *Яндема* (название вытекающей из Вонозера реки) восстанавливаются вепские оригиналы **Enä/järv* (вепс. **enä* ‘большой’) и **Ändem* < **Änetä* (с “речным” суф-

фиксом *-mä*). Название реки восходит, видимо, к прасаамскому **enē* ‘большой’, что позволяет видеть в озерном наименовании **Enä/järv* переводную кальку. Обнаружить подобные связки, даже при наличии качественно собранного материала, сложно. Редкие примеры — это, видимо, лишь надводная часть айсберга. В действительности семантическая адаптация, особенно в случае контактирования родственных систем, должна была иметь большое распространение.

Литература

- ГУСЕЛЬНИКОВА, М. Л. (1996) *Полукальки русского Севера как заимствованный словообразовательный тип топонимов. // Ономастика и диалектная лексика.* Екатеринбург.
- МУЛЛОНИН, И. (1994) *Очерки вепсской топонимии.* Санкт-Петербург.
- МУЛЛОНИН, И. И. (2002) *Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования.* Петрозаводск.
- СГБС = МУЛЛОНИН, И. И.—АЗАРОВА, И. В.—ГЕРД, А. С. *Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь.* Под ред. А. С. ГЕРДА. Санкт-Петербург, 1997.
- JOALAI, MARJE (1999) *la-sufiksiliste külanimedele levik Vepsas // Läänemeresoome periferiad.* Võro. 230–237.